

МОЙ ТУРГЕНЕВ

(Почему я читаю И. С. Тургенева)

К 200-летию писателя
(9 ноября 1818 — 3 сентября 1883 гг.)

Эссе

В минувшем году в России широко праздновалось 200-летие нашего великого писателя И. С. Тургенева, которого туляки считают чуть ли не земляком. Малая родина его — в соседней Орловской области; до села Тургенева, до прославленного им Бежина Луга — рукой подать. Тургенев всегда был и будет актуален, и его всегда будут читать независимо от юбилейных дат, потому что в его творчестве живет и дышит Россия в разных ее человеческих и природных проявлениях, бьется живой пульс чудного русского языка. От творчества его становится светлее на душе.

Среди русских писателей-классиков, которых читаю-перечитываю, — И. С. Тургенев, как и А. С. Пушкин, занимает особое место. Я подружилась с ними еще в школьные годы, прошедшие в Сибири, в Горном Алтае.

У Марины Цветаевой есть поэтическая проза — «Мой Пушкин». У меня тоже есть «мой» Пушкин. Есть и «мой» Тургенев. Сначала пришел ко мне Александр Сергеевич, потом — Иван Сергеевич. Я полюбила их всем сердцем. Они стали мне как бы родными людьми. Настольными для меня были тогда, наряду с пушкинскими и тургеньевскими произведениями: «Записки охотника», «Накануне», «Ася», «Вешние воды», «Рудин», «Му-Му», «Стихотворения в прозе», — книги француза Антуана де Сент-Экзюпери и американца Эрнеста Хемингуэя, прежде всего, — «Старик и море», — но И. С. Тургенев по жизни — всегда рядом со мной и до сего времени.

Еще в восьмом классе записалась я на факультатив по литературе, который вела моя любимая учительница Галина Александровна Голова. И мой первый доклад, полностью подготовленный самостоятельно, был по роману «Рудин», — сама выбрала эту тему. Доклад удался.

Помнится, даже с телевидения из города Бийска приезжали снимать наши занятия на факультативе и мое выступление с этим докладом.

После прочтения романа «Накануне», благодаря яркому образу главного героя, болгарского эмигранта-патриота Инсарова, деятельного, волевого, мне очень полюбились болгары. И когда, спустя годы, была в Болгарии, очень тепло воспринимала их именно через его личность.

Но особенно близки мне стали «Записки охотника», прежде всего, рассказы «Бежин луг» и «Хорь и Калиныч», потому что в них я нашла как бы знакомых мне людей — сибиряков. Вот он, Калиныч,— один наш сосед; Хорь — другой: очень похожи на тургеневских. А мальчишки из «Бежина Луга» — это мой старший брат Володя и его друзья. Они так же жгли вечерами костры на берегу реки Маймы, что в Горном Алтае, где мы всегда купались, или у подножия горы Камушек, рассказывали разные истории, порой такие жуткие, что потом поодиночке боялись идти домой темными переулками.

Да и сцены охоты, описание утренней «тяги»,— все это мне было так знакомо: мой отец тоже был заядлым охотником. Охотился не только на крупного зверя в тайге и в горах, но и на дичь: уток-чирков, гусей, вальдшнепов, тетеревов. Иногда зимой даже нас с братом брал на катунские острова пострелять и «почитать» на снегу следы зверюшек и птиц. Так что герои тургеневских рассказов для меня — не только реальны, «списанные» с простых людей, но и вполне узнаваемы.

Мой самый первый студенческий друг появился тоже благодаря Тургеневу. Я сидела в библиотеке, расположенной недалеко от студенческого общежития Казанского госуниверситета, где жила, будучи абитуриенткой, и готовилась к вступительным экзаменам по устной литературе. Рядом подсел симпатичный парень. Познакомились. Оказалось, он после службы в армии и учебы на подготовительном отделении университета, уже окончил первый курс факультета журналистики, куда я только готовилась поступать. После летней сессии уехал пораньше на стройку в составе ССО (студенческого строительного отряда),— реконструировали вокзал на крупной железнодорожной станции Агрыз, что в Татарии. Приехал передавать русскую литературу и в данный момент штудировал произведения Тургенева. Мой новый знакомый обратился ко мне с просьбой помочь ему разобраться в вопросе о типичности, личностной индивидуальности и своеобразии Хоря и Калиныча из «Записок охотника», как представителей русского крестьянства (дословно формулировки вопроса не помню, но суть его именно такая). С тургеневскими героями,— не только с этими, но и с другими, прихватив и романы «Отцы и дети» и «Накануне»,— мы долго разбирались вместе. Потом вместе пошли в студенческую столовую, там он познакомил меня со своими друзьями с жур-

фака, к которым мы подсаели за стол, и наша дружба завязалась на все студенческие годы.

В Казанском госуниверситете на устных вступительных экзаменах по литературе дополнительный вопрос мне был задан как раз по «Запискам охотника»: народность в них — на примере, в частности, рассказа «Хорь и Калиныч». Вот такое совпадение. В итоге литературу сдала на «отлично».

...Недавно так захотелось почитать что-то для души, наше, русское, родное; подошла к книжному шкафу, пробежала глазами корешки книг. И рука тут же потянулась к тургеневским «Избранным произведениям» (с его юбилеем это никак не связано — просто мне захотелось почитать именно его) — зачитанная книжица 1972 года выпуска, местного, «Приокского книжного издательства», в мягком переплете. Перелистываю пожелтевшие страницы, и сердце мое откликается тихим ликованием: «Ага! Вот оно — заветное! Вернись-ка я — в который-то раз! — к «Бежину Лугу». Читаю с затаенной радостью: как все описываемое правдиво и близко сердцу моему! И как художественно, лирично, образно показано автором, будто я сама прошла по тому росистому, сумеречному лугу, посидела с крестьянскими ребятишками у костра, послушала их разговоры со страхами — суевериями.

Взять хотя бы вот эти строки: *«...Казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с высоты лилась темнота... Все кругом быстро чернело и утихало, одни перепела изредка кричали... поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе... Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нем...*

...Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной. Я быстро отдернул занесенную ногу и сквозь едва прозрачный сумрак ночи увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали ее течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя полови-

на маленькой кудрявой головы... Я узнал, наконец, куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина Луга...»

Какая поэтическая лиричность в прозе! Какая гармония слога! Как точно и сокровенно передано состояние и природы, и человека! Какая простота и вместе с тем изысканность слога и стиля! И какая рускость в этом языке! Это же — словесная музыка. Переставь хотя бы пару слов, и лад, гармония, целостность картины нарушатся. Простые русские слова, филигранной вязью сплетенные в предложения, звучат как лиричная, трепетная, трогательная и изысканная музыка высших сфер, рождающая в душе способного уловить ее ответные трепетные и высокие чувства, ложатся бальзамом на душу. Для меня тургеневское слово поистине целительно.

...Минувшим летом стояла я на смотровой площадке, что в родовой усадьбе великого поэта В. А. Жуковского, близ села Мишенское Белевского района Тульской области, недалеко от его бюста, с сердечным замиранием глядя на громадную впадину, развернувшуюся прямо передо мной, а за нею — на необъятную ширь, раскинувшуюся в буйстве сочной изумрудной августовской зелени на все стороны до самого синего горизонта, невольно вспоминала Тургенева, ассоциируя увиденное с его описанием Бежина Луга.

И опять же думала о том, что вот это и есть первозданная Русь, какой видели и запечатлели ее в своем творчестве гениальные русские поэты и писатели, — великая, мощная, необозримая и необъяснимая, — один вид просторов которой рождает в душе и трепет, и нежность, и патриотические чувства — точно так же, как творчество И. С. Тургенева — истинно русского нашего писателя, сумевшего словом столь искусно и зримо распахнуть эту русскую ширь и человеческую душу перед взором читающего его.

... Недавно, после очередного обращения к Тургеневу, я, желая тут же поделиться переполняющими меня сокровенными чувствами, вызванными его творчеством, написала мужу, находящемуся в отъезде: *«Вот только что перечитала Тургенева — «Записки охотника», в т. ч. рассказ «Бежин Луг» и др. Это, конечно, не просто талантливо: «...там Русь, там Русью пахнет...», как сказал Пушкин. Удивительно: как им, дворянам, удавалось так глубоко проникать в крестьянскую душу и жизнь?! Без любви к ближнему, к тому же крепостному крестьянину, дворовому, так не напишешь. А тургеневская природа! Она осязаема, объемна: ты словно сам бредешь теми росными лугами, смотришь на тот восход или закат. Кто-то ныне говорит, что Тургенев слащав, уныл, не динамичен в наш динамичный век; в общем, устарел и ничего уже не может дать современному читателю. Нет, это вовсе не так! Даже если бы он написал только «Записки охотника», все равно он был бы классиком. Классик — это тот, в моем понимании, кто глубоко и правдиво погружает читателя в свою эпоху,*

передает ее образно, зримо, осязаемо в деталях, характерах, поступках, душевно-психологических и духовных проявлениях и многом-многом другом, что включает сама жизнь, что составляет духовную, нравственную сущность человека и целого народа, нации, но что, к сожалению, как-то ускользает от обывателя.

Тургеневскими «Записками охотника» можно лечиться, как психотерапией, тем же описанием природы в «Бежином Луге», его рускостью; каким-то глубинным гуманизмом, в смысле милосердия, единения и соучастия с ближним, даже вовсе не знакомым, что так характерно именно для русского человека и составляет его суть и чего так не хватает ныне. Великие наши писатели как раз и поднимали вопросы человеческого духа, выстроенные на христианской основе, прославляя фундаментальные, нетленные морально-нравственные ценности, во все времена помогающие русскому человеку преодолеть все трудности, выстоять и победить.

Даже не проповедуя открыто христианское мировоззрение, в своем отношении к ближнему, к природе, животным и всему вокруг, он — истинный православный писатель.

Все-таки как хороши наши русские классики! Во всем мире мало им равных. И как они велики! Какие социально-общественные, нравственные, духовно-психологические глыбы поднимают своим творчеством! Вот истинный пример нам, пишущим, для подражания, хотя бы приближения к ним...»

В ответ я получила от мужа следующие строки: «Поражает меня вот что: как ты при такой глубокой погруженности в суету, в эту сумятицу буден, все еще сохранила в своей душе такое глубокое понимание и тонкое восприятие классики, того же Тургенева, его великих «Записок охотника»! Наша революционно-демократическая критика язвительно назвала их «Записками барина». Им нужны были великие потрясения, революции и войны, а Тургенев — ну да, барин, и что же в этом плохого! — Он воспевал жизнь, Россию и радость жизни в ней... Он воспевал красоту, в том числе красоту и одухотворенность русских женщин. Посмотри, какие они у него красивые, внутренне и внешне! А сейчас в моде, в ходу мат, вульгарность, грубость, жестокость, злой и жесткий расчет; любви нет, есть только секс, дружбы нет, есть деловой расчет и партнерство, о сострадании и прощении и не спрашивай! Ну, зачем же такому поколению нужен Тургенев?! Или даже Пушкин... Пушкина тоже не любят, считают — Пушкинато! — примитивным. Почему? Потому что сами примитивные, с куцыми компьютерными мыслями, бараньими мозгами...»

Жестко?! Но, думаю, во многом справедливо. Да, действительно, Тургенев воспевает жизнь в разных ее проявлениях, ее красоту, гармонию и одухотворенность; любовь в широкой трактовке этого понятия — к родине, ближнему, между мужчиной и женщиной — жертвен-

ность во имя нее, а это никогда не устареет, потому-то в нашей семье любят его и читают.

Вообще, если говорить обобщенно и коротко, меня у Тургенева больше всего привлекают не только лиричность, язык и стиль его произведений, но, главное,— и это даже удивляет! — насколько глубоко и искренне он, барин по происхождению, воспитанию, образу жизни, смог проникнуть во внутренний мир, психологию, быт, традиции и даже поверья и суеверия, в сам дух крестьянина,— во все то, что именуется народностью — и передать это в своем творчестве. Без искреннего интереса, любви, сочувственного отношения к так называемому простому человеку это просто было бы невозможно. Да, он глубоко и всесторонне показал нам не только представителей своего класса и среди них вышедшего на общественно-политическую сцену «нового человека», но и крестьянина — наиболее значительную составляющую народонаселения той, прежней, России — девяносто процентов.

И еще: тургеневское чувство родины, глубинного подлинного ее духа. Несмотря на то, что многие годы он прожил вдали от нее, за границей, где и умер, но малую, как и большую Родину, он всегда нес в сердце и был предан ей. И сегодня читающему его он как бы заново многое открывает в этом нашем патриотическом мироощущении.